

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.64

ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ УСТАНОВОК: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)¹

К.В. Злоказов^a, М.Н. Лату^b, Ю.Р. Тагильцева^c

^a Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

^b Пятигорский государственный университет, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

^c Уральский государственный педагогический университет, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26

Обсуждается и эмпирически изучается влияние идентичности на уровень экстремистских установок у представителей различных возрастов с учетом данных лингвистического анализа. Результаты показывают специфические различия в детерминации идентичностью экстремистских установок. Выявлено, что неопределенность идентичности способствует формированию фанатической установки. Определяется специфика формирования фанатической установки в различные возрастные периоды, а также ее сопряжение с социальной идентификацией. Построение определенной социальной идентичности, как свидетельствуют полученные нами результаты, приводит к усилению фанатических установок от низкого к среднему уровню.

Ключевые слова: экстремистское поведение; экстремистские установки; самоидентичность; социальная идентичность; фанатизм; национализм; радикализм; языковой маркер; поликодовый текст.

Введение

Вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность относится к числу актуальных проблем, стоящих перед современным российским обществом. Несмотря на достигнутые успехи, прилагаемые усилия по профилактике распространения идеологии экстремизма, как нам представляется, все же следует считать недостаточными. Конечно, интенсивность экстремизма в молодежной среде снижается за последние пять лет [1]. Вместе с тем наряду с достигнутыми успехами ситуация в молодежной среде все еще

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00415.

остаётся сложной. Об этом говорит сохраняющийся высокий уровень преступлений и правонарушений по экстремистским мотивам. Исходя из этого, можно полагать, что уменьшение числа экстремистских преступлений ещё не говорит об успехе противодействия экстремистским настроениям. Поэтому поиск механизмов, объясняющих процессы радикализации молодежи, является важным и своевременным.

Данная статья принадлежит к направлению социально-психологических исследований с учетом лингвистических данных в рамках междисциплинарного подхода, изучающих детерминацию экстремистских установок негативными социально-психологическими процессами, происходящими в обществе, ряд которых находит отражение на языковом уровне. Авторами рассматривается роль идентичности – субъективного представления личности о своем месте в структуре социальных взаимоотношений – в формировании экстремистских установок. Структурно статья организована в соответствии с ее целью и порядком решения задач.

В теоретической части рассматривается сущность экстремистских преступлений, обсуждается их мотивация, определяются социально-психологические факторы формирования экстремистских убеждений и формулируется идея исследования – влияние представления об идентичности на экстремистские установки. В эмпирической части статьи описываются методология и методы исследования, его организация и основные результаты в корреляции с данными лингвистического анализа.

Сущность экстремистских преступлений. В криминальной психологии и криминологии преступления на почве экстремистских мотивов получили название «преступления ненависти» (hate crimes). Преступления ненависти охватывают все виды преступлений, побуждаемых низкой толерантностью и ксенофобией. Методические рекомендации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) определяют, что в основе экстремистских преступлений лежит предубеждение – неверное представление о расовых, половых, социальных, в том числе религиозных, и культурных различиях между людьми. Основания этих предубеждений носят социально сконструированный характер: они не затрагивают личность жертвы, не основываются на знании о субъекте или чувствах от общения с ним, а вызваны представлением против социальной группы, к которой он принадлежит [2]. Основным мотивом экстремистских действий выступает нетерпимость к определенной социальной группе, возникающая на основе представления об исходящей от нее опасности. Опасность может рассматриваться прямо и представляться в виде вражды или ненависти [3], либо косвенно, в виде страха из-за потенциально возможных действий данной группы [4].

Социально-психологической подоплекой экстремистского поведения выступает социальная дезорганизация, охватывающая как межгрупповые, так и внутригрупповые уровни социальной структуры общества. Наиболее ярко дезорганизация общества выражается в социальном, религиозном, экономическом и правовом неравенстве, приводящем определенные соци-

альные группы к поражению в правах, исключению их из общественных отношений. Эти процессы остро воспринимаются участниками групп, формируя соответствующее отношение к другим социальным группам [5]. Как отмечает R. Vogun, принятие решения о вступлении в экстремистские сообщества предваряют не только экономические или социальные трудности, но и их переживания субъектом [6]. Важную роль при этом играет также коммуникация в группе между ее участниками, которая сегодня активно протекает в виртуальном пространстве сети Интернет и может быть не только двунаправленной, но и однонаправленной, в частности при создании поликодовых текстов. Для верификации вышеупомянутых признаков целесообразно обратиться к системе представлений субъекта о себе и своем месте в системе социальных отношений.

Представление об идентичности. Современные исследования показывают, что идентичность является результатом когнитивных усилий личности по построению образа себя в социальном мире. Функция идентичности – отражать соответствие образов себя и мира, упорядочивая и регулируя социальную активности личности.

Поскольку личность представляет себя в двух перспективах: себя в целом и себя в социальных отношениях, то идентичность также имеет два вида. Первый – самоидентичность – описывает меру целостности и тождественности представлений человека о себе как индивидуальности, обособленной и самодостаточной, взятой вне контекста социальных отношений. Второй вид – социальная идентичность – характеризует представление субъекта о себе в контексте социальных отношений. Она показывает соответствие личности определенным социальным ролям [7]. В когнитивной лингвистике под понятием «языковая личность» понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью», а также «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [8]. Другими словами, это «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [9]. При этом выделяют как индивидуальную, так и коллективную языковую личность, ассоциируемую с определенным сообществом. Из вышесказанного следует, что языковая личность может выражать свою идентичность в тексте сообщений при коммуникации.

Идентичность осознается личностью и используется в социальном взаимодействии, помогая оценивать себя и других людей, совершать поступки и принимать решения. Но представление об идентичности у личности не является устойчивым и постоянным [10]. То есть, возникнув однажды в более или менее удачном виде, оно не остается таковым на всю жизнь. Нестабильность идентичности вызвана тем, что личность постоянно ищет новые способы самореализации, кроме того, идентичность находится под

влиянием других людей и жизненных обстоятельств [11]. Таким образом, идентичность может отличаться степенью определенности.

Определенность идентичности выражает мнение субъекта о том, что он сам, его решения или действия соответствуют его опыту представлений о себе или социальном мире. К примеру, определенность самоидентичности означает признание своего поведения следствием собственного Я, своего характера, собственных черт личности, свидетельствует о понимании человеком проявлений собственной самости. Неопределенность идентичности говорит о непонимании себя, неготовности считать свое поведение принадлежащим себе. Определенность социальной идентичности означает понимание социальных причин своего поведения. Например, подверженность собственных действий влиянию друзей, окружающих людей. Неопределенность социальной идентичности обозначает непонимание роли общества в жизни человека.

Неконкретные представления субъекта о себе и социальном окружении рассматриваются зарубежными социальными психологами в качестве ключевого фактора молодежного радикализма [12]. Авторы исходят из предположений о том, что спутанность, неопределенность самопредставлений может иметь четкую причинную связь с экстремистскими убеждениями. Данная идея вытекает из концепции неопределенности идентичности [13], согласно которой субъект в ситуации неопределенности собственной идентичности стремится к включению в группу с простой и четкой социальной структурой.

Итак, предпосылкой эмпирического исследования является высказанное в научной литературе предположение о том, что представление об идентичности может характеризовать подверженность субъекта экстремистским убеждениям.

Цель эмпирического исследования – изучение влияния определенности идентичности на уровень экстремистских представлений.

Гипотеза эмпирического исследования: неопределенность социальной идентичности влияет на выраженность фанатических, националистических, ксенофобических и авторитарных представлений.

Материалы и методы исследования

Методом исследования выступил опрос с применением двух стандартизированных самоотчетов, а также анкеты, собирающей социально-демографические сведения о респонденте.

1. Самоотчет «Опросник процессов идентификации личности» [14] включает 33 утверждения. Каждое утверждение имеет четыре варианта ответа. В исследовании использовались два показателя: «Самоидентичность» и «Социальная идентичность».

2. Анкета социально-психологического анализа экстремистских установок личности [15] включает 11 пунктов, предполагающих ответы с использованием шкалы Лайкерта. Они группируются в четыре основные шкалы: «Фанатизм», «Национализм», «Ксенофобия», «Авторитаризм».

Конструкт опросника обусловлен палитрой экстремистских проявлений в России, включающих четыре крупных разновидности: фанатическое следование канонам религии; радикальный национализм, развивающий идею превосходства одной национальности над другой; сильный страх перед представителями социальных групп, отличающихся по религиозным, политическим признакам; экстремистский авторитаризм – насильственное решение социальных, политических и иных проблем общества. Высокие значения показателей по шкалам характеризуют согласие опрашиваемых с фанатическими, националистическими установками, а также ксенофобическими и авторитарными представлениями.

В исследовании используются только фанатические и националистические шкалы, поскольку они релевантны экстремистским идеям, ярко представленным в российском обществе.

Характеристика выборки. Выборка собиралась в образовательных организациях среднего и высшего образования Екатеринбург и Санкт-Петербурга. В ходе исследования опрошены 950 человек.

Половозрастной состав выборки: подростки 14–16 лет (103 человека, 46 муж.); юношеский возраст 17–20 лет (212 человек, 95 муж.); средний возраст, первый период, 20–35 лет (406 человек, 285 муж.); средний возраст, второй период, 36–60 лет (151 человек, 125 муж.), возраст или пол не указали 50 человек. По роду занятий половозрастные группы подросткового и юношеского возрастов гомогенны (большинство опрошенных являются учащимися). В среднем возрасте род занятий представляет три группы: работающие в сфере государственной службы (30%), в сфере образования (18%), в сфере торговли и обслуживания (28%), 6% вид занятий не указали.

Дизайн исследования – сопоставительный. Оценивалось изменение (экстремистских установок и радикальных представлений) под влиянием (определенности идентичности) с учетом (возраста) x (пола).

Методы обработки и интерпретации. Данные анкеты и самоотчетов обрабатывались посредством компьютерных программ: Microsoft Excel, Statistica 10.0. Интерпретация осуществлялась посредством расчета мер центральной тенденции, изучения отношений между показателями идентичности и социального поведения методом одно- и многофакторного дисперсионного анализа (ANOVA–MANOVA).

Материал и методология лингвистического анализа. В качестве языкового материала исследования использовались поликодовые конфликтные тексты экстремистской направленности, структурно состоящие из картинки и текста сообщения. Общий объем выборки составил 2 000 поликодовых текстов, отобранных из социальной сети «ВКонтакте», которая представляется на сегодняшний день крупнейшей в российском интернет-пространстве и занимает лидирующее место в РФ по числу зарегистрированных пользователей и их активности (около 510 млн страниц¹), где ядро

¹ Данные на 2 января 2020 г. взяты с сайта Online Vkontakte (URL: <https://online-vkontakte.ru/2018/10/skolko-lyudej-zaregistrirovano-v-vk.html>).

целевой аудитории составляют школьники (до 18 лет – 17,2%), студенты (18–24 лет – 22%), молодые профессионалы (25–34 лет – 31,7%¹). Большинство из них по типу восприятия информации – визуалы, черпающие информацию из подборок, фотоисторий, инфографики и отдающие предпочтение наглядности, визуализации тезисов в текстовых контентх. Участниками коммуникации в данном случае выступают адресант, которым является автор картинки, и адресат сообщения, каждый из которых представляет собой языковую личность. При этом автор выступает представителем конкретной социальной группы со сформированными установками, а адресат рассматривается либо как ее представитель, либо (что значимо в контексте описываемых далее результатов) потенциальный ее представитель в будущем, на формирование установок у которого и направлено транслируемое сообщение.

Значимым в этой связи является то, что автор может транслировать свою мысль как непосредственно от себя, так и от имени изображенного субъекта. При этом последний может репрезентировать один из полюсов когнитивной матрицы «свой–чужой», т.е. ассоциироваться или олицетворять представителя группы, к которой принадлежит автор, или группы мнимых противников. Исходя из прагматики сообщения, адресат также может ассоциироваться как с полюсом «свой», так и «чужой» в данной дихотомии. Представленные на картинке образы полюсов «свой» и «чужой», от лица которых не произносится текст, используются для раскрытия, усиления и уточнения содержания сказанного. Исследование проводилось с применением компонентного, контекстуального, сравнительно-сопоставительного и статистического методов анализа. Обработка статистических данных осуществлялась при помощи компьютерной программы Microsoft Excel.

Результаты исследования

В ходе эмпирического исследования обнаружены общие и частные, опосредованные возрастом и полом, проявления влияния идентичности на установки и представления. Охарактеризуем их последовательно.

1. Неопределенность самоидентичности влияет на фанатическую установку, повышая ее уровень у подростков и молодежи (F -крит. (1, 533) = 5,21, $p = ,001$) и снижая у лиц среднего возраста – от 36 до 60 лет (F -крит. (1, 223) = 6,93, $p = ,01$). На другие возрастные группы неопределенность самоидентичности статистически значимого эффекта не оказала. Эффект пола значим – неопределенность идентичности присуща мужчинам всех возрастов в большей степени, чем женщинам (F -крит. (1, 857) = 39,22, $p = ,001$). Кроме того, уровень фанатической установки статистически выше у мужчин по сравнению с женщинами (F -крит. (1, 786) = 7,92, $p = ,005$).

¹ Данные за ноябрь 2019 г. взяты с сайта Brand Analytics (URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/>).

2. Неопределенность самоидентичности не влияет на националистические установки, в том числе под влиянием факторов пола и возраста.

3. В этой связи отметим, что, как показал анализ, для содержательного пространства рассматриваемых поликодовых текстов нехарактерны языковые маркеры, выражающие самоидентичность автора как обособленной и самодостаточной индивидуальности вне социальных отношений, что в целом коррелирует с прагматикой текста и фактом его анонимности. Это справедливо для случаев, когда автор говорит как от себя, так и от лица изображенных субъектов. Поскольку адресат всегда является массовым, а не отдельной конкретной личностью, языковые маркеры индивидуальности последнего также не обнаруживаются. Данный факт соотносится с указанным выше мнением R Spaaij и M.S. Hamt о том, что социально сконструированный характер предубеждений не затрагивает личность жертвы, что характерно для текстов, где адресат транслируемого сообщения относится к полюсу «чужой» или же репрезентируются представления автора об идентичности субъекта данной группы. Невыраженность самоидентификации не позволяет делать выводы о ее определенности или неопределенности, в том числе в вопросе возраста и пола, и лишь косвенно может свидетельствовать о ее большей неопределенности у адресанта и адресата, принадлежащего к полюсу «свой», поскольку значимыми в контексте сообщения и репрезентируемыми на языковом уровне оказываются иные стороны идентичности. В этой связи большие закономерности, как будет показано далее, прослеживаются в отношении репрезентации ее социальной составляющей.

4. Неопределенность социальной идентичности статистически влияет на уровень фанатизма в целом (F-крит. (1, 458) = 5,26, $p = ,02$). Определенность социальной идентичности повышает уровень фанатических установок, а неопределенная социальная идентичность их снижает. При этом заведомо низкий уровень установки присущ подростковому и юношескому возрастам, а средний и высокий характерен для лиц в возрасте от 21 года и старше (F-крит. (3, 458) = 7,39, $p = ,001$). У подростков и юношей точная и понятная социальная идентификация приводит к росту фанатических установок с низких до средних уровней (F-крит. (1, 70) = 2,018, $p = ,031$).

5. Неопределенность социальной идентичности не оказала статистически значимого влияния на уровень националистических убеждений. Также не было установлено статистически значимых эффектов влияния пола и возраста.

6. Социальная идентичность в анализируемых поликодовых текстах, напротив, явно и ярко выражена, что справедливо для всех участников коммуникации, принадлежащих как к полюсу «свой», так и «чужой». Используемые языковые средства позволяют с уверенностью говорить о ее определенности у автора текста как представителя социальной группы полюса «свой». В этой связи частотными являются местоимения первого лица единственного и множественного числа и их формы: «мы», «нас», «нам» служат для репрезентации автора как представителя множества лиц,

разделяющих общие установки и выражающих общее мнение, а также когда адресант репрезентирует полюс «свой», моделируя у адресата ощущения единения с адресантом (например, «Мы – молодежь!», «Нам не запретят быть белыми!», «Мы – это порядок. Мы – это социальная справедливость. Мы – это здоровье духовное и физическое. Мы – сопротивление», «Нас много!» и т.д.). «Я» при этом используется совместно с лексикой, указывающей на принадлежность автора к группе как ее представителя по идеологическому, национальному или религиозному признаку (например, «Я – патриот. Это не значит расист» и др.). Данное местоимение также функционирует с лексикой, обозначающей определенные качества («сильный», «трезвый» и др.). Однако в таком случае речь не идет о выражении самоидентификации автора, поскольку в данных контекстах всегда содержится указание на его принадлежность к его социальной группе; в результате упоминаемое качество экстраполируется на всех ее представителей и транслируется как общий признак. При этом такое указание может быть, как уже отмечалось, вербальным, но также невербальным посредством использования изображений характерной символики группы и ассоциируемых с ней образов. Автором реализуется формула «я – такой, будь таким же» (например, «будь сильным», «будь трезвым»), предполагающая включение психологического механизма проекции у адресата сообщения. Данный факт свидетельствует о попытке формирования социальной идентичности адресата (см. ниже п. 8), что отчасти реализуется посредством использования форм повелительного наклонения. Стоит отдельно отметить случаи, когда автор транслирует свою мысль от лица представителя группы полюса «чужой», конструируя их искаженную социальную идентичность, однако рассмотрение их специфики представляет собой отдельное исследование, которое выходит за рамки настоящего.

7. Примечательными являются результаты в отношении факторов пола и возраста. Отметим, что зачастую текст сообщения не содержит языковых маркеров пола автора. Последний может быть идентифицирован в случаях, когда автор говорит о себе в единственном числе как о представителе группы, на основе форм грамматического рода существительных и прилагательных. При этом значительно преобладают формы мужского рода по сравнению с женским. В целом по используемым языковым средствам и образам, выбранным автором при создании данных поликодовых текстов, в определенной степени можно судить о его представлениях об архетипическом образе представителя групп полюсов «свой» и «чужой». В тех случаях, когда пол не маркирован, например при использовании форм множественного числа, образы на картинке могут выступать в роли уточняющего маркера. При этом использование мужских образов и ассоциируемых с ними объектов в значительной мере преобладает над женскими (в соотношении 90 и 10% соответственно) как для группы полюса «свой», так и «чужой». Отдельно следует отметить группу лексики, репрезентирующую понятия, традиционно соотносимые с мужскими образами и деятельно-

стью (например, «воин», «защитник» и др.). Социальная идентичность адресата преимущественно не маркирована по половой принадлежности, однако может выражаться посредством использования лексики со значением национальной принадлежности при обращении (например, «Русская!»). В данном случае маркеры мужского пола значительно преобладают над женским, что коррелирует с полученными данными о более высоком уровне фанатической установки у мужчин, чем у женщин.

8. Возраст автора и адресата преимущественно не маркирован. Однако он может выражаться посредством использования местоимения «мы» совместно с лексическими единицами, прямо или косвенно указывающими на возрастную принадлежность (например, «мы – молодежь!»), либо через цифровые данные (например, «14 / 88 возраст / IQ»). При этом значения данных языковых средств охватывают подростковый, юношеский и средний возраст, что коррелирует с полученными данными опроса. Выбранные автором образы на картинке также могут выступать уточняющими маркерами и отражать его представления о возрастной принадлежности типичного представителя группы, который относится к указанным возрастным категориям, составляющим целевую группу адресатов сообщения. Отметим также, что факт наличия образов детей и стариков, которые представлены в гораздо меньшей степени, характерен для конкретного подтипа данных поликодовых текстов и обусловлен прагматикой транслируемой в них мысли о необходимости защиты заведомо слабых представителей группы и опасности рождения детей от представителей группы полюса «чужой».

9. Как показывают результаты анализа, определенность социальной идентичности адресанта в равной степени выражена и характерна для текстов как с фанатическими, так и с националистическими установками. Вышесказанное справедливо и в отношении его представлений об идентичности у типичного представителя группы полюсов «свой» и «чужой», а также адресата сообщения полюса «свой», у которого автор пытается сформировать и сконструировать социальную идентичность, подобную его собственной (что характерно в отношении молодежи), или объединить на основе разделяемых взглядов (в отношении лиц средней возрастной группы). Автор обращается к лицам со сформированной социальной идентичностью, совпадающей с его собственной, или же только формирующейся, которым непосредственно транслируется, какими нужно быть и как поступать (например, «Всегда ходи с оружием! Не вступай в разговоры с агрессорами! Впрягайся за своих, где бы ты ни был!»). При этом выраженная определенность социальной идентичности автора может являться привлекательной для лиц, характеризующихся неопределенностью социальной идентичности, к которым относятся подростки и юноши, что согласуется с приводимым выше мнением К. Ногг о том, что субъект при неопределенности собственной идентичности стремится к вхождению в состав группы с простой и ясно обозначенной социальной структурой.

Обсуждение результатов исследования

В исследовании изучается влияние, которое представления об идентичности оказывают на экстремистские убеждения фанатического или националистического типа. Исследование строится на предположении о том, что представление об идентичности – это разновидность самопредставления, иначе говоря, результат осознания субъектом своей целостности, последовательности и непротиворечивости. По своему содержанию идентичность может являться как неопределенной, так и ясной. Субъект конструирует идентичность постоянно, поскольку использует ее для регуляции своего социального поведения. Ряд исследователей предполагают, что человек имеет потребность в ясной и определенной идентичности, поэтому он принимает решительные усилия для ее прояснения и конкретизации. Нередко для того, чтобы разобраться в себе, производятся кардинальные перестроения собственной жизни: разрываются старые отношения, меняется образ жизни, принимаются новые идеи. Вовлечение в радикальные, протестные экстремистские группы тоже рассматривается одним из способов построения ясной и непротиворечивой идентичности. Подобные предположения имеют теоретический характер по отношению к российской выборке, поскольку не получили еще достаточного эмпирического подтверждения, в отличие от зарубежных стран [16]. Для проверки в работе формулируется гипотеза о влиянии неопределенности представлений об идентичности на выраженность радикальных представлений и экстремистских установок. Основными результатами являются следующие выводы.

1. Определенность идентичности оказывает влияние на фанатическую установку опрошенных подросткового и юношеского возрастов. Определенность самоидентичности снижает фанатические убеждения, а определенность социальной идентичности усиливает их, что согласуется с данными лингвистического анализа.

2. Определенность идентичности не влияет на националистическую установку опрошенных. Данный факт неполностью совпадает с результатами лингвистического анализа, согласно которым вышеупомянутые выводы, касающиеся двух типов идентичности, верны для креолизованных текстов, которые формируют как фанатичные, так и националистические взгляды. В этой связи можно предположить, что на ответы респондентов могли повлиять некоторые факторы. Тем не менее установление данных факторов влияния и принципов их нивелирования в ходе эксперимента требует дальнейшего анализа и выходит за рамки настоящего исследования.

Полученные нами результаты не обнаруживают глобального влияния, которое идентичность оказывала бы на экстремистские установки. Данные результаты подтверждаются исследованием экстремистских установок, проведенным с использованием аналогичного инструментария С.В. Яремчук, С.М. Ситяевой [17]. Определенный ими и нами ряд частных эффектов, характерных для отдельных возрастов, а также мужского и женского пола,

может быть полезным для предсказания чувствительности лиц к формированию экстремистских убеждений.

Заключение

Описанное в работе исследование направлено на приращение социально-психологических знаний о предикторах экстремизма. Авторы сосредоточились на выявлении роли представлений субъекта о себе самом и своем месте в социальном мире, руководствуясь предположением о их влиянии на радикализацию социального поведения. Поддерживая данную позицию, авторы предполагают, что психологическая природа экстремизма формируется из-за проблем социального взаимодействия, социальной дезорганизации.

Существенным результатом исследования выступает подтверждение влияния социальной идентичности на формирование фанатической установки. Социальная идентификация в подростковом и юношеском возрасте выступает одной из закономерностей социального развития и проявляется в коммуникации. В современном мире виртуальное социальное окружение для подростков становится эквивалентным реальному [18], хотя и обладает рядом специфических черт (например, в отдельных случаях анонимностью, которая скрывает и снижает потребность в выражении самоидентификации), виртуальная идентификация дополняет реальную, в результате чего коммуникация активно протекает и в виртуальной среде, где она также может быть отложенной или однонаправленной без обратной связи. Очевидно, что социальная идентификация предполагает определение своего социального окружения («своих»), а также «чужих», в том числе по религиозному и национальному признакам, что среди прочего явно выражается в поликодовых конфликтогенных текстах. Построение определенной социальной идентичности, как свидетельствуют полученные нами результаты, приводит к усилению фанатических установок от низкого к среднему (нормальному по выборке) уровню. Полученные результаты показали неоднозначность отношений между идентичностью и экстремистскими установками, их выражения на языковом уровне и необходимость их дальнейшего изучения.

Литература

1. Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml
2. Spaaij R., Hamm M.S. Key Issues and Research Agendas in Lone Wolf Terrorism // Studies in Conflict & Terrorism, 2014. Vol. 38 (3). P. 167–178.
3. Corner E., Gill P., Mason O. Mental Health Disorders and the Terrorist: a Research Note Probing Selection Effects and Disorder Prevalence // Studies in Conflict and Terrorism. 2016. Vol. 39 (6). P. 560–568.
4. Merari A., Diamant I., Bibi A., Broshi Y., Zakin G. Personality Characteristics of “Self Martyrs” in “Suicide Bombers” and Organizers of Suicide Attacks // Terrorism and Political Violence. 2009. Vol. 22 (1). P. 87–101.

5. Reicher S., Haslam S.A., Rath R. Making a Virtue of Evil: a Five-Step Social Identity Model of the Development of Collective Hate // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Vol. 2 (3). P. 1313–1344.
6. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: a Review of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4 (4). P. 7–36.
7. Berzonsky M.D. A constructivist view of identity development: People as postpositivist self-theorists // *Discussions on ego identity*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1993. P. 169–183.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 262 с.
9. Седых А.П. Языковая личность в науке // *Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова*. 2012. № 3. С. 204–206.
10. Luycx K., Goossens L., Soenens B., Beyers W. Unpacking commitment and exploration: Preliminary validation of an integrative model of late adolescent identity formation // *Journal of Adolescence*. 2006. Vol. 29 (3). P. 361–378.
11. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review of research // *Developmental Psychology*. 1982. Vol. 18 (3). P. 341–358.
12. Hogg M.A., Sherman D.K., Dierselhuis J., Maitner A.T., Moffitt G. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social*. 2013. Vol. 69 (3). P. 407–418.
13. Hogg M.A., Sherman D.K., Dierselhuis J., Maitner A.T., Moffitt G. Uncertainty, entitativity, and group identification // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 43 (1). P. 135–142.
14. Злоказов К.В. Конструирование идентичности и криминализация личности. Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2017. 142 с.
15. Злоказов К.В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 1. С. 173–180.
16. Arena M.P., Arrigo B.A. *The terrorist identity: Explaining the terrorist threat*. New York : New York University Press, 2006. 301 p.
17. Яремчук С.В., Ситяева С.М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 58. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremchuk58.html> (дата обращения: 01.01.2020).
18. Жичкина Е.А. О возможностях психологических исследований в сети Интернет // *Психологический журнал*. 2000. № 21. С. 75–78.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.; принята 18.11.2020 г.

Злоказов Кирилл Витальевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

E-mail: zkirvit@yandex.ru

Лату Максим Николаевич – кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, ведущий научный сотрудник, директор НОЦ «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии» Пятигорского государственного университета.

E-mail: Laatuu@yandex.ru

Тагильцева Юлия Ринатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета.

E-mail: jennifer1979@yandex.ru

For citation: Zlokazov, K.V., Latu, M.N., Tagiltseva, Y.R. Influence of Identity on Extremist Attitudes Formation: An Empirical Study (Psychological and Linguistic Approach). *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 79: 153–167. doi: 10.17223/17267080/79/9. In Russian. English Summary

Influence of Identity on Extremist Attitudes Formation: An Empirical Study (Psychological and Linguistic Approach)¹

K.V. Zlokazov^a, M.N. Latu^b, Y.R. Tagiltseva^c

^a Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1, Letchika Pilyutova Str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

^b Pyatigorsk State University, 9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

^c Ural State Pedagogical University, 26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620017, Russian Federation

Abstract

The article discusses and empirically studies the influence of identity on the level of extremist attitudes formation among the representatives of different age groups, taking into account the results of linguistic analysis. The significance of studying the determinants of extremism is stated and discussed. The modern theories of extremist behavior are analyzed. The contemporary points of view on the motivation of extremist actions are determined and compared; the characteristics of the extremist motive and its content are described. The social, economic and psychological reasons that stand behind extremism are described. The directions and areas of psychological research of extremist attitudes are considered. The role of identity in the formation of extremist attitudes is noted, the need for an empirical study of various aspects of identity in order to identify the level of radicalization is substantiated.

The article describes the procedure of empirical research of extremist attitudes based on a sampling of different age groups (n = 950). We establish the influence of such parameter as certainty of identity on fanatic and nationalistic attitudes. During the research we used self-reporting methods. Statistical analysis is performed using descriptive statistics methods, such as ANOVA, MANOVA. We also describe the results of the linguistic and cognitive analysis of the addresser's identity representation and his ideas about the identity of the addressee in multicode conflict-provoking texts in correlation with the empirical research data.

The results of statistical analysis show specific differences in the determination of extremist attitudes and views by the identity. It was defined that the uncertainty of identity contributes to the formation of fanatical attitudes, potentially influencing the development of religious extremism. The results of self- and social identity on creating nationalist attitude differ a lot. The research reveals specific features of creating fanatical mindset at various age periods, as well as its adjacency with social identification. Constructing a certain social identity, as evidenced by our results, leads to an increase in fanatical attitudes from low to average level.

Keywords: extremist behavior; extremist attitudes; self-identity; social identity; fanaticism; nationalism, radicalism; linguistic marker; multicode text.

References

1. Kirsanov, A.I., Davydov, D.G., Zavalsky, A.V. & Skribtsova, N.A. (2014) Ekstremizm v molodezhnoy srede i ego profilaktika v obrazovatel'noy organizatsii [Extremism among the youth and its prevention in the educational organization]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 1. [Online] Available from: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2014_1_Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.pdf
2. Spaaij, R. & Hamm M.S. (2014) Key Issues and Research Agendas in Lone Wolf Terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*. 38(3). pp. 167–178. DOI: 10.1080/1057610X.2014.986979

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00415.

3. Corner, E., Gill, P. & Mason, O. (2016) Mental Health Disorders and the Terrorist: a Research Note Probing Selection Effects and Disorder Prevalence. *Studies in Conflict and Terrorism*. 39(6). pp. 560–568. DOI: 10.1080/1057610X.2015.1120099
4. Merari, A., Diamant, I., Bibi, A., Broshi, Y. & Zakin, G. (2009) Personality Characteristics of “Self Martyrs” in “Suicide Bombers” and Organizers of Suicide Attacks. *Terrorism and Political Violence*. 22(1). pp. 87–101. DOI: 10.1080/09546550903409312
5. Reicher, S., Haslam, S.A. & Rath, R. (2008) Making a Virtue of Evil: a Five-Step Social Identity Model of the Development of Collective Hate. *Social and Personality Psychology Compass*. 2(3). pp. 1313–1344. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2008.00113.x
6. Borum, R. (2011) Radicalization into Violent Extremism I: a Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*. 4(4). pp. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1
7. Berzonsky, M.D. (1993) A constructivist view of identity development: People as postpositivist self-theorists. In: Kroger, J. (ed.) *Discussions on Ego Identity*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 169–183.
8. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Nauka.
9. Sedykh, A.P. (2012) Yazykovaya lichnost' v nauke [Linguistic personality in science]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova – The Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov*. 3. pp. 204–206.
10. Luyckx, K., Goossens, L., Soenens, B. & Beyers, W. (2006) Unpacking commitment and exploration: Preliminary validation of an integrative model of late adolescent identity formation. *Journal of Adolescence*. 29(3). pp. 361–378. DOI: 10.1016/j.adolescence.2005.03.008
11. Waterman, A.S. (1982) Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review of research. *Developmental Psychology*. 18(3). pp. 341–358. DOI: 10.1037/h0076449
12. Hogg, M.A., Kruglanski, A. & van den Bos, K. (2013) Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social*. 69(3). pp. 407–418. DOI: 10.1111/josi.12021
13. Hogg, M.A., Sherman, D.K., Dierselhuis, J., Maitner, A.T. & Moffitt, G. (2007) Uncertainty, entitativity, and group identification. *Journal of Experimental Social Psychology*. 43(1). pp. 135–142. DOI: 10.1016/j.jesp.2005.12.008
14. Zlokazov, K.V. (2017) *Konstruirovaniye identichnosti i kriminalizatsiya lichnosti* [Identity construction and personality criminalization]. Ekaterinburg: Ministry of Internal Affairs of Russia.
15. Zlokazov, K.V. (2014) Metod issledovaniya ekstremistsko-destruktivnykh ustanovok lichnosti [Research method of extremist-destructive attitudes of the personality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 173–180.
16. Arena, M.P. & Arrigo, B.A. (2006) *The Terrorist Identity: Explaining the Terrorist Threat*. New York: New York University Press.
17. Yaremchuk, S.V. & Sityaeva, S.M. (2018) Age, gender and occupation as predictors of extremist attitudes in early adulthood. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 11(58). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html> (Accessed: 1st January 2020).
18. Zhichkina, E.A. (2000) O vozmozhnostyakh psikhologicheskikh issledovaniy v seti Internet [On the possibilities of psychological research on the Internet]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 21. pp. 75–78.

Received 23.03.2020; Accepted 18.11.2020

Kirill V. Zlokazov – Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department, Saint-Petersburg University of MIA Russia. Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: zkirvit@yandex.ru

Maxim N. Latu – Professor of Western European Languages and Cultures Department, Head of the Research and Educational Center “Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguocognitive Technologies” Pyatigorsk State University. Cand. Sc. (Philol.).

E-mail: laatu@yandex.ru

Yulia R. Tagiltseva – Associate Professor of Advertising and PR Department, Ural State Pedagogical University. Cand. Sc. (Philol.).

E-mail: jennifer1979@yandex.ru